

УДК 811. 161.1'37: 075.8

Коренева Ю.В.

Московский государственный областной университет

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Y. Koreneva

Moscow State Regional University

THE HAGIOGRAPHIC CONCEPT IN THE ORTHODOX CULTURE

Аннотация. В статье говорится о специфике лингвоконцептов русской агиографии. Утверждается антропоцентрический характер лингвоконцептов жития с позиций православной антропологии. В процессе рассуждения устанавливается, что агиографический лингвоконцепт может анализироваться двунаправленно: как показатель внешней жизни и как показатель жизни внутренней. В частности, говорится о лингвоконцептах *Воля, Смирение, Послушание*, которые относятся к духовным концептам и обладают высокой ценностью в православном языковом сознании, христоцентричным по своей сути.

Ключевые слова: концепт, агиография, языковое сознание, православная культура

Abstract. The article is devoted to a specific nature of linguistic concepts of the Russian hagiography. The anthropocentric nature of these concepts from the standpoint of the Orthodox anthropology is proved. In the process of reasoning the author establishes that hagiographic concepts can be analyzed bidirectionally: as an indicator of the external life and as an indicator of the internal life. In particular, author mentions the concepts *Will, Humility, Obedience*, which are related to the spiritual concepts and have a high value in the linguistic consciousness of the Orthodox, Christ-centred in nature.

Keywords: concept, hagiography, linguistic consciousness, orthodox culture.

Сегодня понятие культуры в научном дискурсе носит почти всеобъемлющий характер. Проблемы соотношения языка и общества, языка и религии, этническое, языковое, индивидуальное языковое сознание – всё признается в том или ином аспекте частью культуры. Такое расширение понятийных рамок отражает, с одной стороны, объективные процессы развития современной научной мысли, движущейся по пути синкретичности, но, с другой стороны, может привести к «размыванию» понятий культуры, прежде всего базовых. В этом ключе, помимо словарного и контекстуального описания слова-имени концепта, своеобразным «якорем» может стать обращение к этимологии слова и основанный на этом анализ семантической структуры воплощенного в языке словом концепта. Концепты анализируются с разных научных позиций и точек зрения: лингвокогнитивной (Е.С. Кубрякова и др.), лингвокультурологической (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик и др.). С лингвокультурологических позиций концепты эксплицируют ментальность как мирозерцание в категориях и формах национального языка, через «набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [4, с.14]. Ценностно-смысловая энергетика [1] религиозного православного дискурса наполняет культурно-событийным содержанием стоящий за словом комплекс смыслов, моделирует семантический объём концепта. Бытование слова-имени концепта в той или иной функционально-смысловой сфере определяет его семантическое наполнение – такой подход может быть определён как лингвосоциокультурный.

Житийный жанр как часть русской православной культуры представляется социокультурной совокупностью текстов, в анализе которой сопрягаются историко-культурный, богословский, литературоведческий и лингвистический подходы. С лингвистических позиций и с опорой на богословский анализ в исследовании агиографических концептов поле макроконцепта *Святой/Святость* наполняется духовными по сущностному статусу концептами: *Молитва, Монастырь, Крест, Преподобный, Старец, Смирение, Терпение, Дар духовный* и др. (см. классификацию концептов в: [6]). Данные концепты играют заглавную роль в формировании православной картины мира наряду с православными религионимами: теонимией (Христос, Богородица), агиоантропонимией (преподобный Сергей Радонежский, святитель Феофан Затворник), агиотопонимией (Святая Земля, источник Казанской иконы Божией Матери), агиохремотонимией (Свято-Духов монастырь, икона Богородицы «Неупиваемая Чаша») (классификация по: [2]). С когнитивной точки зрения все эти концепты могут расцениваться как фреймы (монастырь), сценарии (молитва), схемы (послушание) и т. д. Из предложенных вариантов идентификации имеющим выраженную связь с языком является лингвокультурный аспект исследования, поэтому, признавая религию частью культуры народа, мы можем утверждать, что религиозный концепт – это всегда лингвокультурный концепт. В православной культуре и православном дискурсе и уже в агиографической концептосфере функционируют различные концепты, отражающие православное сознание, с одной стороны, и имеющие агиографическую принадлежность (но не эндемичность!), с другой стороны. В агиографическом тексте религиозным по функции и, следовательно, по семантике может быть признано любое слово, через которое эксплицируется тот или иной религиозный концепт.

В русских преподобнических житиях, рассказывающих о подвижничестве монаха

(житие преподобного Сергия Радонежского, житие преподобного Александра Свирского, жития преподобных старцев Оптинских и др.), концептуализированы многие понятия, в том числе *Молитва, Терпение, Смирение, Послушание, Страх Божий, Дар духовный*. Все подобные концепты по сути антропоцентричны с точки зрения агиографического текста – житие святого повествует о святости человека – и христоцентричны с точки зрения православного религиозного дискурса и культуры – житие святого повествует об обожении, достижении святости человеком, его приближении к Богу. Антропоцентризм агиографической лексики, или терминов агиографии, проявляется всегда двунаправленно: вектор 1 – слово означает и обозначает внутреннее состояние человека, вектор 2 – слово означает и обозначает внешние признаки поведения человека.

Внешний и внутренний векторы семантической наполненности концепта неравноправны: в отношении триады «дух – душа – тело» действия духовные, т. е. внутренний вектор семантики, должны быть примарными, стоять на 1-м месте. Поэтому по наполненности внутренняя жизнь, по святителю Феофану Затворнику – внутренний человек, а priori богаче, разнообразнее, полнее внешней. Молитва внешняя, как сценарий в когнитивной характеристике концепта, и внутренняя, как гештальт в когнитивной характеристике концепта, неравнозначны. Только внешняя молитва без внутреннего содержания ведёт по пути прелести духовной, а внутренняя молитва нуждается во внешнем оформлении, без которого она может ослабнуть, т. е. важно гармоничное сочетание внешнего и внутреннего семантических векторов, внешнего и внутреннего действия, в православной духовной и агиографической терминологии – делания. То же в отношении *Смирения, Послушания* и других агиографических концептов: только внешнее смирение или послушание при отсутствии внутреннего содержания приводит человека ко лжи и в итоге к смерти духовной. Определяющим в

духовных концептах является соответствие религиозной Истине – Христу, т. е. православное религиозное сознание христоцентрично. Таким образом, агиографическую концептосферу можно охарактеризовать как **христоцентричный антропологизм**: в центре описания житийного произведения – человек в его служении Единой и Нераздельной Троице.

Вектор 1 лингвоконцепта *Смирение* в житийном тексте даёт базовую семантику «добродетель христианина, выражаемая во внутреннем соблюдении меры во всей жизни». Вектор 2, соответственно, – «внешняя покорность, выражаемая определённым поведением, некая неактивность». Сопряжение в концепте *Смирение* обоих векторов приводит нас к концепту *Послушание*. Послушание воспитывается как подражание Христу – здесь мы имеем выход на христоцентричность агиографического концепта – и в соединении двух векторов означает «состояние смиренного духовного повиновения старцу-духовнику или игумену-наместнику, любому старшему из братии, добровольно принимаемое по любви к Богу и человеку в целях спасения души», а это уже антропоцентричная характеристика агиографического концепта.

Смирение, лежащее в основе послушания, соотносится также с концептом *Воля*. В православном языковом сознании воля не является монолитным представлением, противопоставляются воля Божия и воля человеческая. Такая оппозиция имеет прежде всего онтологический статус. Для православной антропологии и учения о святости отсечение своей воли – основа послушания, а возможность отсечения как добровольного действия, есть результат смирения. Таким образом, выстраивается причинно-следственная триада концептов «*Смирение – Воля Божия – Послушание*», центральным компонентом которой является концепт *Воля Божия*. Предложенная В.И. Карасиком трёхчастная система описания лингвоконцепта – предметно-образная, понятийная и ценностная составляющие [3] – перекликается с иде-

ей ценностно-смысловой энергетике слова Н.Ф. Алефиренко [1], поэтому в этой трёхчастной системе ценностная составляющая концепта является ведущей: «ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива» [3, с. 140]

Ценность лингвоконцепта *Воля* может быть раскрыта через выявление системы отношений в языке и тексте: в современном секулярном (нерелигиозном, неправославном) языковом сознании концепт *Воля* имеет определённую ценность, которая скорее высока, если реализуется в контекстах типа «сила воли», «волевое решение», через синонимию «свобода, сила», через антонимию «неволя», через синтагматические свойства «сильная, железная, ваша, к жизни» [8, т. 1, с. 107], и ценность данного лингвоконцепта практически неактуальна для обыденного языкового сознания, если речь идёт о воле Божией. В современной лексикографии *воля* определяется как «одна из основных психических способностей, выражающаяся в действиях и поступках; сознательное стремление к осуществлению какой-н. цели; желание, требование; свобода, независимость; полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках» [9]. В соответствии со словарными данными церковнославянского языка *воля* – это «соизволение» [7, с. 93], «определение, приговор; намерение; повеление; распоряжение, желание» [7, с. 929-930]. Предметно-образная сторона лингвокультурного концепта как «сгусток жизненного опыта, зафиксированный в памяти человека» [3, с. 139] для лингвоконцепта *Воля Божия* такова: во-первых, с этимологических позиций слово *воля* соотносится с «хотеть, желать» и сопоставляется с глаголом «велеть» [10, т. 1, с. 347-348; 11, т. 1, с. 164-165]; во-вторых, ассоциативный потенциал слова-имени концепта *Воля* не имеет религиозной принадлежности: из 111 реакций только 3 со словом Божья [8, т. 1, с. 107], большинство реакций синтагматические «вольная 9, сильная 8, железная 5» [8, т. 1, с.

107], парадигматические ассоциации связывают волю в основном с существительными «свобода 8, неволя 6, доля 3» [8, т. 1, с. 107]. Семантическое наполнение данного словосочетания в обыденном нерелигиозном сознании синонимично скорее неизбежности, невозможности что-либо изменить (*волею судьбы/судеб* и под.). В православном дискурсе концепт Воля Божия проявляет себя в следующих конструкциях: *воля Божия на всё* (жизнь, смерть, скорби и радости), *есть на это воля Божия или нет, следовать воле Божией, узнать волю Божию*. В поучениях Оптинских старцев имеется 67 примеров с рассуждением о Воли Божией и только 23 примера о воле человеческой: «Если о всякой вещи должны молиться “да будет воля Твоя”, то более всего прилично это в отношении нашей жизни, которая дана нам для приобретения вечного спасения» [5, с. 247 – высказывание преподобного Амвросия]. Аксиологический статус данной оппозиции связан с тем, что воля человека расценивается положительно, если она есть следствие воли Божией, и отрицательно, если она противоречит принципу христоцентричного антропологизма: «Многие человеческие дела бывают так. Думаем и предполагаем одно, а выходит другое. Только в одном ошибки не бывает: если **стремится человек к исполнению воли Божией** во всяком предлежащем деле, то хотя бы видимого успеха в этом деле он и не получил, всеблагий Господь доброе намерение его вменяет ему в самое дело» [5, с. 257 – высказывание преподобного Амвросия].

В агиографическом произведении, эксплицирующем православное сознание, воля Божия – единственный ориентир в поступках человека, внутренняя духовная опора жизни, которая может исчезнуть, если человек не имеет смирения и послушания как базовых внутренних качеств. Второй компонент лингвоконцепта *Воля Божия* – прилагательное *Божия* – может быть расценен как идентификатор первого компонента, в противовес воле человека и своеволию; как указатель векторного деления концепта –

внешнее проявление (определённые способы невербального и вербального поведения при признании действия воли Божией) и внутреннее состояние, в котором человек поручает себя Богу, полностью полагается на волю Божию и только в таком духовно-душевном состоянии принимает решения и действует; наконец, как дифференциатор языковой рецепции – антропоцентричного и христоцентричного восприятия семантики, что для агиографической концептосферы является определяющим моментом. Таким образом, концепт *Воля Божия* имеет лингвокультурный статус в агиографической концептосфере, в этом концепте семантическое ядро христоцентрично, центр и периферия уже антропоцентричны, базовая антропоцентричная семантика концепта *Воля Божия* отталкивается от смирения и послушания как качественных внутренних характеристик монаха.

Концепты православного сознания словесно материализуются в житийном тексте, и через это воплощение мысли в слове, по образному выражению Л.С. Выготского, моделируется православная картина мира, та культура слова, которая воспитывает христианина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 138 с.
3. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социоллингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. трудов. Изд-е 2-е, доп. /РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв.ред.) и др. – М., 2008. С. 127-155.
4. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования Монография / ВолГУ; под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
5. Оптинский Цветник. Изречения преподобных старцев Оптинских. – М.: Спасское братство, 2009. – 493 с.

6. Пименова М.В. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования на современном этапе// Текст и контекст в лингвистике: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XI Виноградовские чтения «Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты», посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (12-14 ноября 2009 г.)/ Ответ. ред. Е.Ф. Киров. – М.: МГПУ; Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 89-93.
7. Полный церковно-славянский словарь. Протоиерей Г. Дьяченко. М., 2001. – 1120 с. (Репринтное воспроизведение издания 1900 г.)
8. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – М.: АСТ: Астрель, 2002.
9. Словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 16.01.2012).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт./ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. - 3-е изд., стер. – СПб.: Terra – Азбука, 1996.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1-2. – М.: Рус.яз., 1993.